

Статья «Несвоевременный Катенин» с «Ленинкой», появившаяся в пятом номере журнала «Литературная учеба» в 1982 году, – первая публикация Казинцева-критика. С учетом того, что критическая статья – это в большей или меньшей степени слепок с творческой личности ее автора, у нас есть возможность понять некоторые особенности личности и Александра Казинцева, и тех, чья судьба с его судьбой рифмуется.

После окончания факультета журналистики МГУ в 1976 году Александр Казинцев учился в аспирантуре на кафедре критики главного вуза страны. Ее возглавлял Анатолий Бочаров – известный ортодоксальный советский критик, литературовед, один из самых последовательных русофобов, ненавистников традиционного крестьянского, народного мира. Подстать заведующему были и преподаватели кафедры: В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, Г. Белая, В. Баранов, Л. Вильчек.

Уточню: дело не только в А. Бочарове, ибо кафедра критики – лишь сколок со всего факультета журналистики, космополитически русофобского на протяжении последних, как минимум, пятидесяти лет. А. Казинцев так вспоминает о журфаке МГУ 1970-х годов: «Мы там и не слыхали о русских писателях! Ясен Засурский – декан факультета – приво-дил к нам Аксенова, Сола Доктороу. Писатели были и русские, и американские, но взгляды у них одни – они сильно недолюбливали Россию» [6, с. 83]. В отличие от Александра Ивановича я никогда не называл Василия Аксенова русским писателем, всегда и только – русскоязычным. Смотрите, например, мою статью «Мемуары последних лет: взгляд из Армавира» [9, с. 231–245].

В годы обучения в аспирантуре (1976 – 1979) Казинцев живет в интеллектуально-духовном мире, параллельном миру кафедрально-факультетскому. Он много времени проводит в библиотеке МГУ.

Сравнивая ее с «Ленинкой» в 2008 году, Александр Иванович сказал: «В отличие от нее («Ленинки». – Ю. П.), фонды университетской библиотеки не были столь ревностно прорежены тогдашними блюстителями идеологической чистоты. Там я познакомился со 150-томным изданием Святых Отцов, книгами философов и поэтов Серебряного века [2, с. 4]. На квартире Казинцева проходят философские семинары, где читают, обсуждают работы В. Розанова, П. Флоренского, Н. Бердяева, Л. Шестова, сборник «Из-под глыб»...

Ясно, что аспирантский неуспех такого – некафедрального, нефакультетского, несоветского – Александра Казинцева был заранее предопределен. На его предзащите научный руководитель Галина Белая заявила: «Либо я, либо он» [2, с. 4]. В унисон руководителю Казинцева высказался и Валентин Оскоцкий: эта «диссертация действует на него как красная тряпка на быка» [2, с. 4].

Причины такой реакции лежат на поверхности. Казинцев критиковал Бориса Эйхенбаума, Юрия Тынянова, Виктора Шкловского и других «опоязовцев», что для либеральной интеллигенции разных поколений – редкое кощунство, тяжкое преступление. Еще большим преступлением было то, что аспирант побивал звездных формалистов цитатами из крамольных авторов: Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Степана Шевырева, Василия Розанова... Последний, например, для космополитов разных идеологических мастей был, есть и будет черносотенцем, антисемитом, человеконенавистником...

Неудача Казинцева на предзащите кандидатской диссертации не была, уверен, собственно неудачей. Более того, ее нужно воспринимать как подарок судьбы: таким образом для молодого человека был закрыт путь в безмятежное литературоведение – мертвую науку.

Думаю, что всеми этими вопросами Казинцев тогда не задавался. Главным и, по сути, единственным делом его жизни в 1970-е годы была поэзия. Именно с оглядкой на личную творческую судьбу и судьбу друзей по «Московскому времени» написана первая критическая статья «Несвоевременный Катенин».

Подчеркну: Казинцев не относится к очень распространенному типу критиков (от Николая Добролюбова до Льва Аннинского), для которых чужой текст, судьба — только повод для самовыражения и самоутверждения. И характеризуя жизненный и творческий путь Катенина, молодой автор не позволяет себе никаких вольностей, фантазий. При этом очевидно, что особое внимание Казинцев обращает на вопросы, волнующие именно его.

Один из них (может быть, главный, подсказанный судьбой Катенина) сформулирован так: «Но что же делать поэту, чье творчество — откровение души — признано несвоевременным?» [3, с. 170]. Ответы на данный вопрос даются на протяжении всей статьи, они по-разному — точно и неточно — рифмуются с миром и творчеством Казинцева как 1970-х годов, так и последующих десятилетий. Обратим внимание на некоторые рифмы судьбы Павла Катенина и Александра Казинцева.

«ОПЫТ БЕДЫ»

«Опыт беды» — грибница, из которой вырастают любимые, главные, сквозные идеи всего творчества Александра Казинцева. В «Несвоевременном Катенине» (1982) «опыт беды» понимается как способность человека, попавшего в экстремальную ситуацию (военную, политическую, творческую, личностную), остаться верным себе, верным идеалам красоты и правды народной.

В «Сраженных победителях» (2013) смысл выражения «опыт беды» раскрывается через цитату из стихотворения Катенина (что ранее в статье о нем не делалось). Из приведенной строфы следует: «опыт беды» — опыт гонений и борьбы — только укрепляет силу честной души. Величие духа проявляется особенно в таких ситуациях, когда нужно пойти против течения («не примазаться к заведомым удачникам»), когда — несмотря на обреченность — необходимо встать на защиту своего. Кульминация на этом пути — неравный бой, в котором человек сознательно идет на смерть. Таким образом, одерживается духов-

ная победа над самим собой, страхом, смертью физической.

В 2013 году, выступая на Десятой Кожинской конференции в Армавире, Александр Казинцев пояснил, почему героем его первой статьи стал Катенин. На примере его творчества и судьбы критик хотел «представить своего рода формулу плодотворности неудачи» [7]. Неудачники же, по мнению Казинцева, интереснее победителей (здесь победитель понимается как человек успешный, удачник), так как горькие глубокие размышления первых «могут пригодиться людям». Свою идею Казинцев подтверждает неожиданными примерами, рассуждениями. Вот сгусток их.

«Дон Кихот», «Король Лир», «Гамлет», «Фауст», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Слово о гибели Русской земли», «Тихий Дон», «Белая гвардия», «Доктор Живаго», «Солнце мертвых» — это «дневники» неудачников.

Неудачник у Казинцева неточно рифмуется с выражением «сраженные победители». «Сраженные победители» — слова Газданова, сказанные о всадниках, погибших под огнем пулеметов и пушек. Через это выражение писателя Казинцев характеризует русское сопротивление конца XX века и его центр — журнал «Наш современник», в котором Александр Иванович служит с февраля 1981 года.

«НАРОДНОСТЬ»

В статье «Несвоевременный Катенин» Казинцев утверждает, что «опыт беды» (войны 1812 года в первую очередь. — Ю. П.) «учил единению с народом» [3, с. 171].

Идея народности — альфа и омега русской литературы XIX века — становится идеей Казинцева (по-настоящему, всерьез, выношенно), думаю, на рубеже 1970–1980-х годов. Отголоски преодоленных народностью идей находим в следующих суждениях критика о Катенине: «Стремление слиться с народным целым и одновременно утвердить неповторимость своей личности — не было ли здесь непримиримого противоречия?» [3, с. 171]; «Ему чуть ли не в одиночку предстояло решить сложнейшую проблему — примирения в творчестве двух, казавшихся противоположных начал — индивидуализма и народности...» [3, с. 172].

Идея народности не рифмовалась с определенным кругом идей, настроений «Московского време-

ни» (1975 — 1978), альманаха, душой которого были А. Казинцев и А. Сопровский. Об этом периоде своей жизни Александр Иванович, пожалуй, впервые рассказал в 1991 году в статье «Придворные диссиденты и “погибшее поколение”».

«Наследство» Бориса Кормера, с опозданием опубликованное в СССР в 1990 году, Казинцев называет «романом о моем поколении». Оно характеризуется, в частности, так: «Встречаясь, мы подбадривали друг друга: “Не забывай, где живешь”». Это незамысловатое приветствие призвано было хоть как-то смягчить удары тотального хамства <...>. Требования к “окружающей среде” были минимальными: не посадили, ну так радуйся. Зато и отторжение среды было полным. Ах, как любили мои сверстники в ответ на очередное насильственное “ты должен” ответить: “Я ничего и никому не должен”» [5, с. 172].

В 1991 году Казинцев, называя такую позицию наивной, делает акцент на «не должен». Позже, повторюсь, на рубеже 1970 — 1980-х годов на смену эгоцентрическому видению себя в окружающем мире пришли принципиально другие чувства, мысли, убеждения. Они были постепенно выстраданы и рождены любовью. Вот как определяется новая ипостась в становлении личности Казинцева и многих представителей «погибшего поколения» в данной статье: «Мы отвечаем за этот день не перед нынешними властями придержащими — перед Родиной» [5, с. 172].

На этом пути Казинцеву пришлось отказаться от многих (скорее всего, большинства) идей «погибшего поколения». Об одной из них, озвученной критиком мимоходом, следует сказать особо.

Во-первых, если бы статья Казинцева писалась уже в XXI веке, то, уверен, слова о тотальном хамстве были соответствующим образом прокомментированы. Не вызывает сомнений, что постсоветское, либерально-демократическое хамство не на один порядок выше, тотальнее хамства 70-х годов минувшего столетия.

Во-вторых, в 1991 году Казинцев точно передал одну из особенностей мироощущения, мироотношения и своего, и «погибшего поколения» в целом. Взгляд на окружающий мир, как на мир тотального хамства, порожден эгоцентризмом, лево-либеральным дальтонизмом. Эта интеллигентски западническая по своей природе «родовая травма» проступает через мировоззрение и творчество как московсковременцев (С. Гандлевского, Б. Кенжеева,

А. Цветкова), так и самых разных русскоязычных писателей (от А. Вознесенского и В. Аксенова до В. Ерофеева и Л. Улицкой).

Именно «смену веж» Казинцева не могут понять и принять те, кто напоминает ему о «грехах» молодости. Александр Иванович же прошел путь, характерный для многих писателей, мыслителей, творческих людей XIX — XX веков. Первым ключевым эпизодом на этом пути национального самоопределения, «единения с народом», стала «встреча» с Василием Шукшиным. О ней в 2008 году Казинцев рассказал следующее: «Мощнейшим эмоциональным толчком стал для меня просмотр фильма Василия Шукшина «Калина красная». Приятель буквально затащил меня в кино. Но стоило мне увидеть лицо Шукшина, я вдруг почувствовал, осознал потрясённо: «Это — брат мой!» Он так же смеётся, так же печалится и мучается. Спустя годы я узнал, что это же ощущение испытало множество зрителей — от колхозных механизаторов до академиков.

И тут же — второе открытие — как ожог: «Я русский!» До этого я не задумывался ни о своей национальности, ни о проблеме как таковой. А тут заговорила душа, кровь. Я стал искать другие фильмы Шукшина. Узнал, что сам он считает себя не киношником, а писателем. Что Шукшин — член редколлегии «Нашего современника» и там напечатал лучшие свои произведения, в том числе и киноповесть «Калина красная»» [2, с. 4].

В статье «Несвоевременный Катенин» память является силой, примиряющей два начала: индивидуализм и народность. С этим утверждением критика трудно согласиться. Индивидуализм исключает народность мировоззрения, творчества в ее традиционно-православном понимании. К тому же, память индивидуалистов, эгоцентрических личностей и память соборных личностей — это диаметрально противоположные явления.

Сущностный сбой произошел в первой статье Казинцева потому, что он не разделил понятия «индивидуализм» («индивид») и «личность». Годом раньше «Несвоевременного Катенина» была опубликована статья Юрия Селезнева «Глазами народа». В ней один из лучших критиков XX века исчерпывающе точно высказался по данному вопросу: «Личность начинается не с самоутверждения, но с самоотдачи. При этом происходит как бы самоотпре-

чение, пожертвование своего Я ради другого. Но – в том-то и «диалектика»: через такого рода отречение от индивидуалистического, эгоцентрического Я человек из индивидуума перерождается в личность» [10, с.46].

Как видим, Ю. Селезнев, следуя христианской традиции, личность определяет через самоотречение, самопожертвование. И в этой связи неизбежно вспоминается «наставник» А. Казинцева, заведующий кафедрой критики МГУ доктор филологических наук, профессор Анатолий Бочаров. Он умудрился найти в самоотречении «оборотную сторону фрейдистского взгляда» [1, с. 295] и задал показательные, якобы риторические вопросы: «Почему обязательно подчинять себя целому (народу. – Ю. П.)? Вправду ли в человеке всегда существует нечто, которое требуется подчинять, подавлять? Неужели фатальна диктатура народа над личностью?» [1, с. 295].

Этот марксистско-либеральный мыслительный кентавр, как и сотни ему подобных («ханжеская христианская мораль»; «марксизм утвердил подлинную диалектику: обосновав реальность коммунистического общества, где будут созданы условия для правильной любви ко всем людям» [1, с. 293]), свидетельствуют о том, что мировоззренчески, духовно-культурно А. Бочаров и его единомышленники не способны – и тогда, и сегодня, и всегда – понять русскую литературу. И повторю, уже в другом контексте, Казинцеву повезло, что он не стал коллегой таких «специалистов» по русской литературе и критике.

Возвращаясь к статье «Несвоевременный Катенин», отмечу: те суждения критика, где вместо понятия «индивид» употребляется понятие «личность» возражений не вызывают. Например: «Память приобщает личность к народному единству. Это единство, осознаваемое обычно в момент национальных триумфов и катастроф, проявляется прежде всего в отношении к судьбе страны...» [3, с. 173].

Через семнадцать лет после появления статьи Казинцева Станислав Куняев в своих мемуарах «Поэзия. Судьба. Россия» верно заметил, что отношение к государству – одна из основных линий водораздела между писателями-патриотами и писателями-либералами в 1960 –1980-е годы. Об этом на примере «Московского времени» и «погибшего поколения» написал Александр Казинцев в 1991 году: «На грани

восьмидесятых <...> произошла показательная метаморфоза. Многие (думаю, здесь Александр Иванович преувеличивает. – Ю. П.) захотели “послужить”. Послужить Отчизне – именно так, с большой буквы»; «Тогда же и я пошел работать в журнал “Наш современник”, Юрий Селезнев призвал меня – послужить» [5, с. 173].

Так, идея «единения с народом» у Казинцева естественно закольцевалась идеей служения Отчизне, что подразумевало, как позже уточнит Александр Иванович в «Сраженных победителях», защиту интересов России и русских.

Здесь можно было бы поставить точку. Но, руководствуясь логикой выступления Казинцева на Десятой Кожинской конференции 2013 года, нельзя обойти вниманием один сюжет, который опоясно рифмуется с первым сюжетом.

МУЖЕСТВЕННЫЙ ПУТЬ ХУДОЖНИКА

В статье «Несвоевременный Катенин» Казинцев, подводя итоги жизненного и творческого пути своего героя, прошедшего под знаком «опыта беды» и «единения с народом», заявляет: «Автор, признанный “несвоевременным”, не только оригинально разрешил проблемы, стоявшие перед поэзией его эпохи, но и оказался современником художников иных эпох. Катенин доказал, что поэзия поэта, отнесенного на литературную периферию и в силу своего положения не связанного нормами господствующей эстетики, может быть творчески плодотворной. Успех Катенина был результатом обращения к неисчерпаемому богатству народной культуры, наделяющей человека творческой свободой. Судьба Катенина интересна и дорога для нас как пример последовательного мужественного пути художника...» [3, с. 177]. Эти слова двадцатисемилетнего автора статьи о Катенине в главном и в некоторых частностях рифмуются с сюжетом жизни и творчества Александра Казинцева.

Поэт, добровольно ушедший в самиздат в 1970-е годы, становится современником второго десятилетия XXI века. Первые публикации стихотворений Казинцева более чем сорокалетней давности свидетельствуют, что произведения автора не утратили своей силы, актуальности, это настоящая поэзия,

полноценное открытие которой, видимо, впереди.

Казинцев-зоил — уникальное явление в критике XX столетия. В 1980-е годы, сменив поэтическое амплу на новое, Казинцев за кратчайший срок стал одним из самых ярких и значительных критиков своего времени. Это я показал в статье «Александр Казинцев: Критик — это искусство понимания» [8, с. 187–198].

Почти тридцать лет своей жизни Александр Иванович посвятил публицистике (себя он называет политическим писателем). Его статьи и книги стоят в одном ряду с трудами Игоря Шафаревича, Вадима Кожинова, Александра Панарина, Михаила Назарова, Михаила Делягина и других выдающихся русских мыслителей последних десятилетий. По стилю же Казинцев, думаю, превосходит названных авторов: дает о себе знать его поэтической «я».

Однако существует серьезнейшая проблема исчезновения читателя, о чем Казинцев говорил неоднократно. В конце 1980-х годов, в 1990-е Александр Иванович был личностью популярной. Его узнавали на улице, в метро. Вечера «Нашего современника», которые вел Казинцев, собирали многотысячную аудиторию. Высшим же читательским признанием для писателя стал следующий эпизод. Во время пересечения границы один из таможенников сказал другому, настойчивому, что не нужно проверять багаж Казинцева, так как он — писатель. На вопрос: «И что же он такое пишет?» — последовал ответ: «Он пишет правду!». И уже на Кожиновской конференции Александр Иванович так прокомментировал данный эпизод: «Сколько бы ни было неудач, но такие слова, такие мгновения оправдывают жизнь, отданную безнадежному делу» [7].

В 2016 году, сравнивая современную читательскую аудиторию с аудиторией позднесоветского времени и 1990-х годов, Казинцев утверждает, что не стало читателя, «привыкшего слушать писателя и имеющего возможность слушать писателя. Сейчас говоришь как будто перед пустым залом. Иногда действительно пустым! Приезжаешь на выступление: там сидят три, четыре, пять человек» [6, с. 87].

Исчезновение слушателя, читателя, воспринимающего серьезные мысли, аналитические тексты, способного чувствовать, сопереживать другому, другим, болеть за народ и страну — очевидная и сверхнасыщенная проблема. О путях ее решения говорилось многократно, но «воз и ныне там», точнее, ситуация

только ухудшается. Русскому писателю, не смотря ни на что, остается (как сказано в «Несвоевременном Катенине» и в «Сраженных победителях») мужественное служение идеалам красоты, народной правды, защита интересов России и русских. «Подлинный патриотизм, — как справедливо говорил Александр Казинцев в 2015 году, — требует самопожертвования. Патриотизм ставит служение Родине выше личных интересов человека, о чем свидетельствует судьба Юрия Ивановича Селезнева. Только таким недюжинным людям под силу патриотическое подвижничество» [4, с. 8].

Патриотическое подвижничество, можно с уверенностью сказать, отличает и Александра Ивановича Казинцева, поэта, критика, политического писателя, редактора. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бочаров А. Требовательная любовь. Концепция личности в современной советской прозе. — М., 1977. — 368 с.
2. Казинцев А. Искусство понимать // День литературы. — 2008. — №10. — С. 4.
3. Казинцев А. Несвоевременный Катенин // Литературная учеба. — 1982. — №5. — С. 170 — 177.
4. Казинцев А. Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Материалы Второй Международной научно-практической конференции. — Краснодар, 2015. — С. 4 — 9.
5. Казинцев А. Придворные диссиденты и «погибшее поколение» // Наш современник. — 1991. — №3. — С. 171 — 176.
6. Казинцев А. Русские пассионарии были всегда (беседа М. Синкевич) // Родная Кубань. — 2017. — №1. — С. 82 — 87.
7. Казинцев А. Сраженные победители // Парус. — 2014. — №1. — <http://parus.ruspole.info/node/5034>.
8. Павлов Ю. Александр Казинцев: критика — это искусство понимания // Павлов Ю. Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. — М., 2010. — 304 — С. 187 — 198.
9. Павлов Ю. Мемуары последних лет: взгляд из Армавира // Павлов Ю. Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX–XXI веков. — М., 2011. — С. 231 — 245.
10. Селезнев Ю. Глазами народа // Селезнев Ю. В мире Достоевского. Слово живое и мертвое. — М., 2014. С. 22 — 51.